

Björn Hansen

"Ekonomnye kak nemcy" : nacional'nye sterotypy i ih otrazhenie v konnotaciâh ètnonimov v russkom i drugih âzykah

Acta Neophilologica 8, 163-173

2006

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Björn Hansen

Uniwersytet w Regensburgu

ЭКОНОМНЫЕ, КАК НЕМЦЫ.
НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ
В КОННОТАЦИЯХ ЭТНОНИМОВ В РУССКОМ
И ДРУГИХ ЯЗЫКАХ

1. Введение

Как известно, и на тему стереотипов и на тему коннотации написано довольно много исследовательских работ в разных научных дисциплинах. В особенности в Польше существует обширная литература, которая посвящена именно связи между национальными стереотипами и лексическим значением этнонимов. Большая часть этих исследований была проведена и еще проводится представителями так называемой люблинской этнолингвистической школы под руководством Ежи Бартмиńskiego (напр. „Etnolingwistyka”, t. 14 [Bartmiński/Panasiuk 2001]). Другой подход представляет теория „карт ментальных” („mapy mentalne” [Chlebda 2001]). На основе этих фундаментальных теоретических и эмпирических работ, во-первых, хотелось бы представить новый эмпирический метод выявления коннотаций этнонимов, а именно корпусно-лингвистический метод. Во-вторых, хотелось бы остановиться на отношении между коннотациями и стереотипами; т.е. на вопросе, следует ли отождествлять коннотации со стереотипами или: входят ли все коннотации в наивную языковую картину мира? В связи с этим анализируются отдельные вторичные значения этнонимов русского и других европейских языков. Предпринимается попытка показать возможности и границы коннотативного подхода.

2. Основные понятия

[Bartmiński et alii. 2002, с. 107] исходят из того, что языковые стереотипы можно реконструировать на основе анализа трех видов источников: первый – коннотации, проявляющиеся в полисемии, словообразовании, коллокациях

и фразеологизмах; второй – стабилизированные ассоциации как результаты экспериментального опроса с помощью анкет и третий источник представляют конкретные тексты, содержащие данные стереотипы.

Термин „стереотип”, который восходит к американскому журналисту Липпманну [1922], многократно обсуждался и ему давались разные определения. Здесь мы понимаем этот термин в смысле [Schaff 1980]. Под стереотипом понимается базирующееся на убеждении суждение со следующими признаками:

1. предметами этих суждений являются прежде всего группы людей (расовые, национальные, классовые, политические, профессиональные, половые и т.п.) и связанные с ними отношения (напр. стереотип революции). Признаки приписываются целому классу индивидов;

2. генезис суждения – социален; суждение не базируется на обобщении личного опыта, а передается от поколения к поколению как часть культурного кода; т.е. стереотип независим от личного опыта;

3. суждение всегда содержит эмоциональный – отрицательный или положительный – компонент;

4. суждение может или соответствовать действительности (*kernel of truth* ‘зерно правды’) или быть полностью ложным;

5. так как это суждение не зависит от личного опыта, оно устойчиво и меняется во временном плане очень медленно;

6. стереотип имеет социальную функцию защиты и укрепления ценностей, принятых в одной группе или в одном обществе;

7. стереотип всегда связан со словом-стимулом.

К этому определению вернемся в разделе 4.

В дальнейшем анализируются вторичные значения русских названий народностей на основе теории коннотаций лексических единиц, разработанной авторами Московской семантической школы. Согласно [Апресяну 1995] и [Иорданской и Мельчуку 1980] коннотации понимаются как смысловые элементы, которые не входят в толкование слова и которые отражают связанные со словом культурные представления о соответствующем референте, господствующие в данном обществе. Эти коннотации проявляются а) в полисемии данного слова, б) в словообразовательных производных и в) во фразеологических сочетаниях, как напр. устойчивых сравнениях.

3. Большие корпуса как источники для анализа стереотипов

В данном разделе хотелось бы представить корпусный подход, как дополнительный метод для выявления стереотипов. Этот метод объединяет данные о системных коннотациях с материалом из конкретных текстов. В дальнейшем будут рассмотрены результаты эмпирических исследований, проведенных студентами Регенсбургского университета в рамках курсов по семантике в 2004 / 05 гг. [Grillborzer 2004], [Krüger 2004], [Lochmann 2004], [Muromova 2004] и [Romić 2005].

Анализируемый в следующих разделах материал взят из Национального корпуса русского языка и из Тюбингенского корпуса русского языка¹.

Данные из корпусов подтверждают точку зрения, представленную в работе [Bartmiński et alii 2002: 107], где указывается на многосторонность стереотипного образа народов, т.е. на то, что образ содержит и положительные и отрицательные аспекты. Так как объем статьи не позволяет представить весь материал из вышеупомянутых работ, сосредоточимся на самом поиске в корпусах и ограничимся некоторыми иллюстрирующими примерами. Корпуса, о которых здесь идет речь, предоставляют разные возможности поисковых запросов; напр. пользователь может искать или отдельные слова или последовательность лексем. Как показывают работы [Grillborzer 2004], [Lochmann 2004] и [Mugomova 2004], в которых анализируются результаты разных поисковых запросов, напр. поисковая выдача запроса „прилагательное + этноним” содержит множество примеров со специфической референцией этнонима, где этноним употребляется в прямом значении и не отражает никаких стереотипов как в примере:

(1) Это сказал проницательный англичанин Альфред Нокс [„Известия”, 24.02.2003].

Оказывается, что запрос „как + этноним” с возможным расстоянием от 1 до 3 между обоими выражениями и запрос „но- + наречие этнонима”² дают относительно небольшое количество „шума”. Первый запрос выдает не только такие примеры как:

(2) Где вы наберете аккуратных, как немцы, работников? [„Огонек”, 2001, 30],

но, благодаря определению расстояния между словом *как* и этнонимом, и такие примеры как:

(3) Джон, как всякий англичанин, безукоризненно вежлив.[...] Джон, как истинный англичанин, умеет слушать — внимательно и пытливо [„Звезда” 2003, 6].

3.1. Сравнения

При сравнениях названный народ рассматривается как образцовый носитель признака. Сам признак приводится в большинстве случаев в виде прилагательного или наречия. В некоторых случаях, однако, коннотативное значение национального названия настолько однозначно, что упоминание подразумеваемого признака излишне и сравнение осуществляется без его употребления. Вот примеры:

¹ Оба корпуса общедоступны на интернете: <<http://ruscorpora.ru>> и <www.sfb441.uni-tuebingen.de/b1/>.

² Выражения, использованные при поиске: „*kak francuz.**”, „*kak nem(e)c*” и т.д. и [...] „*po-.+ki*”.

как немец

(4) [...] на который у них купон , чтобы сэкономить десять центов. Не потому, что они экономные, как немцы, а потому, что у них реально нет этих десяти центов! [„Огонек” 2000, 46],

(5) Ну ты, как немец. - пунктуальный и точный [„Огонек” 2000, 46],

(6) Где вы наберете аккуратных, как немцы, работников? [„Огонек” 2001, 30],

(7) Это одно из наших самоутешений: вот мы не такие рациональные, как немцы, зато добрые, душевные, глубокие, чувствительные [„Огонек” 2001, 33],

(8) Разделились Чехия со Словакией. Но эти, хоть и славяне, повели себя как немцы. Все посчитали, потом поделили [„Огонек” 2001, 48],

(9) [...] и очень боюсь, что наши тины скоро станут такими же дебилами, как немцы [„Огонек” 2001, 38];

как француз

(10) [...] в Москве жил быстро вошедший в моду французский доктор, огромный ростом, красавец, любезный, как француз, и, как говорили все в Москве, врач необыкновенного искусства [Толстой, Война и мир],

(11) Я уже говорил тебе вчера , но ты все не понимаешь. Ламберт , ты – ребенок и глуп, как француз [Достоевский, Подросток];

как англичанин

(12) Роскошь нужна была там, за стеной, где президент Джозеф Маккроски, чопорный, как английский лорд , принимал особо важных персон [Андрей Таманцев, Двойной капкан];

как итальянец

(13) Дугони, как все итальянцы, был очень романтичен, даже поэтичен [Лопато, Волшебное зеркало воспоминаний 2002–2003];

как цыгане

(14) [...] покупал, как и все, на Серебряном и Золотом базарах мелкие сувениры у назойливых, как цыгане, торговцев [Андрей Таманцев, Двойной капкан).

3.2. Прилагательные и наречия

Как прилагательные так и наречия имеют чаще всего несколько коннотаций, из которых одна активизируется в зависимости от контекста. Как уже упоминалось выше, в некоторых случаях однозначности коннотационных значений слово, выражающее признак, опускается, как на пример в оборотах:

(15) *(с)делать что-то по-молдавски / по-казахски / по-узбекски* и т. д., '(с)делать что-то необычным и нерациональным способом'.

В общем, что касается их употребления, прилагательные и наречия мало чем отличаются от сравнений. Вот некоторые примеры из тюбингенского корпуса:

по-африкански

(16) *Парни-мужики и курящие девицы выкрикивали что-то хрипкое, дикое, по-африкански „выразительно“ вертели задами, [...]* [Астафьев, Паруня];

по-английски

(17) *[...] 2-жа Кроули, приехавшая из Англии с мужем и детьми. Потрясенные дети сидели по-английски, не шелохнувшись [...]* [„Огонек” 1997, 16];

по-немецки

(18) *Все чистенькое, умытое, ухоженное, по-немецки стерильное, украшенное цветами кажется нашему подсознанию фальшивым, лишенным правдивости [...]* [„Огонек” 1996, 38],

(19) *[...] „Девица Розмари“, режиссер Берндт Айхингер, немного авантюры, немного по-немецки извращенного Эроса* [„Огонек” 2000, 14];

по-европейски

(20) *При попытке разрезать его ножом (по-западноевропейски, чинно) [...]* [„Огонек” 1997, 17],

(21) *Даже внешне Мария изменилась. Изячно, по-европейски одетая [...]* [Юрий Дольд-Михайлик, У Черных рыцарей],

(22) *На что Шубарин обычно отвечал по-европейски рассудительно [...]* [Рауль Мир-хайдаров, Пешие прогулки],

(23) *И шведов, и французов, и немцев на свете не прибывает — однако живут и не стонут, по-европейски прагматично ищут разумные выходы* [„Огонек” 2001, 34];

по-еврейски

(24) *маленькие карие глазки его глядели совершенно по-еврейски и движения его были порывисты* [Лесков, *На ножгах*];

по-цыгански

(25) *Золотозубый, простецки-фамильярный новый начальник оказался по-цыгански навязчив* [Сергей Алексеев, *Пришельцы*].

Представленный в этом разделе материал из корпусно-лингвистического анализа является важным дополнительным источником для анализа национальных стереотипов в коннотациях русских этнонимов. Как показывают примеры: (9) *наши тины скоро станут такими же дебилами, как немцы* и (19) *немного по-немецки извращенного Эроса* с помощью корпусно-лингвистического метода можно выявить не только стереотипы о народностях как таковых, но и такие стереотипы, которые относятся к определенным группам, в данном случае, к немецким тинам и немецким режиссерам.

4. Коннотации и стереотипы

Люблинская этнолингвистика исходит из того, что коннотации этнонимов отражают реальные стереотипы и поэтому прямо отражают языковую картину мира. [Bartmiński, Panasiuk 2001: 375] указывают на факт, что коннотации могут восходить к актуальным стереотипам или к стереотипам, которые потеряли актуальность и функционируют лишь как „память слова”. Материал из предыдущего раздела отражает много актуальных стереотипов русских о других национальностях. Другой пример актуальных стереотипов, содержащих негативную оценку соседней народности, находим в употреблении этнонимов в области качества товаров. Небезынтересно, что низкое качество изготовления обычно не ассоциируется со странами третьего мира, а с таким соседним народом, который считается технологически менее развитым. Здесь связь с национальным стереотипом довольно очевидна:

русск. пример из Казахстана: *казахская сварка*,
хорватск. *albanska tehnika*, *albanska nauka*,
словацк. *rumunská technika*.

В следующем разделе представятся дальнейшие случаи употребления этнонимов и анализируется их связь со стереотипами в смысле Шаффа.

4.1. Коннотации, восходящие к историческим стереотипам

Отдельную группу составляют напр. коннотации, касающиеся турок и татар. При употреблении слова *турок* в качестве бранного слова у опрошенных лиц не вызывалось ассоциаций с жителями Турции. К коннотациям, восходящим

к историческим стереотипам, относятся напр. коннотации этнонима *татарин* как в знакомой поговорке *Незванный гость хуже татарина*. Здесь активизируется признак ‘опасный враг’, который уже не соответствует современным стереотипам среднего русского о татарах. Частое употребление этнонима *татарин* в стереотипных выражениях в современном русском языке объясняется его вплетением в прочный контекст устойчивых выражений и поговорок. Здесь больше не наблюдается непосредственной связи с татарским народом. Третий пример исторического стереотипа находим в вышеупомянутом предложении [11] Достоевского: *глуп как француз*. Таким образом, коннотации могут консервировать старые, уже неактуальные стереотипы.

4.2. Употребления, косвенно отражающие стереотипы

Нами выдвигается гипотеза, что не все употребления этнонимов прямым образом отражают национальные стереотипы. Исходя из определения стереотипа Шаффа, мы можем принимать за стереотипы только те значения, которые относятся к области человеческих отношений и человеческой деятельности в широком смысле. Данные из разных языков показывают, что коннотации этнонимов могут отражать не только специфические стереотипные представления о других национальностях (гетеростереотипах), а косвенным образом могут служить компонентами позитивной автостереотипизации.

В таком смысле этнонимы иногда употребляются для обозначения моделей поведения, не соответствующих принятым нормам в собственной культуре, причем такое поведение приписывается другой, часто соседней, национальности.

Отклонения от принятых норм поведения:

1) русский пример: *попрощаться по-английски*, польск. *wyjsć po angielsku*, словацк. *anglicky zmiznúť*; в России, Польше и Словакии принято, что гости прощаются с хозяем и с другими гостями. Интересен тот факт, что то же самое значение по-испански выражается фразеологизмом *se despidió a la francesa* ‘ушел по-французски’. Похожее значение имеет английский фразеологизм *to take French leave* (‘взять французский отпуск’ = ‘прогуливать’),

2) в английском языке *to go Dutch* ‘пойти по-голландски’ значит, что каждый гость в ресторане или баре платит сам за себя. То же самое значение имеет турецкое словосочетание *alman hesap* ‘немецкий счет’. Обычно в Великобритании и Турции гости платят по счету вместе или один приплачивает остальных гостей.

Вредные привычки:

англ. *dutch courage* ‘смелость, возникающая после употребления алкоголя’, словацк. *fajuit’ ako turek* ‘курить как турок = курить как труба’.

Сексуальные практики:

немецк. *es auf französisch machen* / английск. *to french* ‘заниматься оральным сексом’,

английск. *French letter* ‘французское письмо = кондом’, *French kiss* ‘французский поцелуй’,

французск. *capote anglaise* ‘английская шинель = кондом’.

Непонятность языка или положения дел:

английск. *double Dutch* ‘двойной голландский’, *its all Greek to me* ‘все это для меня по-гречески’, немецк. *das sind böhmische Dörfer* ‘это для меня чешские деревни’, русск. *это для меня китайская азбука*, польск. *tam idzie czeski film* ‘там идет чешский фильм’, чешск. *to je pro mne španělská vesnice* ‘это для меня испанская деревня’, польск. *siedzieć jak na niemieckim kazaniu* ‘сидеть как на немецкой проповеди’; похожее значение имеет испанский оборот *hacer se el sueco* ‘делать из себя шведа = притворяться глупым’.

Следующие примеры иллюстрируют случаи, где связь между признаком и стереотипом так слаба, что можно говорить о приближении к омонимии. Этнонимы иногда функционируют как проекция всего негативного. Это довольно ярко проявляется при употреблении этнонимов, обозначающих вредных насекомых, например, тараканов:

русск. *прусак*, польск. *prusak*, французск. *allemand*, словацк. *švab*.

Присутствие вредных насекомых в жилых домах только теоретически можно было бы приписать неопрятности жителей, но это не соответствовало бы стереотипу о немцах. Нечто подобное можно наблюдать при обозначении болезней, к примеру:

русск. *американский гнилец*, *английская болезнь*,
немецк. *französische Krankheit* ‘французская болезнь’,
английск. *German measles* ‘корь’.

4.3. Употребления, не отражающие стереотипы

Как показывают исследования, проведенные на материале польского, немецкого и хорватского языков [Komenda 2003] и [Romić 2005], многие производные прилагательные и существительные, образованные от этнонимов, относятся к продуктам питания, предметам или изобретениям. Некоторые из них носят терминологический характер. Ср. следующие примеры:

Продукты/блюда:

русск. *греческий салат*, *итальянский салат*, *кофе по-турецки*,
немецк. *holländische Soße* ‘голландский соус’, *Russischbrot* ‘русский хлеб – кексы в форме букв’, *Russenmaß* ‘литр пива с кока-колой’ (Бавария),
хорватск. *francuzka salata* ‘французский салат’.

Профессиональные термины для обозначения предметов, веществ и живых существ:

русс.: *французский ключ, английский ключ, французский рысак, английская соль* ‘магния сульфат’, *английский рожок* ‘вид гобоя’,

польск. *klucz francuski, japonki*,

хорватск. *francuski ključ, francuski balkon, engleski buldog*,

словацк. *francúzsky kl'uč*.

Такие дериваты этнонимов функционируют или когда-то функционировали как показатели (предполагаемого) происхождения вещи [Romić 2005]. Если исходить из того, что стереотип является суждением о целом классе индивидов, которое всегда содержит эмоциональный компонент (см. раздел 2), можно прийти к выводу, что такие дериваты не отражают стереотипов о названном народе. В то время как выражения типа *греческий салат* или *japonki* еще содержат семантический компонент происхождения, то такие сочетания как *английский ключ* или немецк. *Russischbrot* его уже полностью утратили. Здесь мы имеем дело с лексикализацией, т.е. с переходом к новому, семантически не мотивированному значению. Как видно из примеров, именно названия предметов и блюд имеют тенденцию к лексикализации. Этим свойством они отличаются от стабильных коннотаций, восходящих к стереотипам.

4.3. Ассиметрия в отношениях между коннотациями и стереотипами

В конце этого раздела хотелось бы еще остановиться на двух проявлениях ассиметрии отношений между коннотациями и стереотипами. Одним из важнейших результатов корпусно-лингвистических исследований является то, что гетеростереотипы и автостереотипы в коннотациях этнонимов представлены неравным образом. В то время как мы находим в полисемии, словообразовании, коллокациях и фразеологизмах богатейший материал, отражающий гетеростереотипы, то материала с автостереотипами удалось найти гораздо меньше. Напр. [Krüger 2004], которая анализировала корпус немецкого языка „Wortschatz Deutsch”³, не нашла почти никаких коннотаций в употреблении этнонима *Deutsch(e)r* ‘немец(кий)’.

Вторая ассиметрия касается распределения стереотипных коннотаций по народам. Бросается в глаза, что в русском языке стереотипы о цыганах и евреях нашли более сильное отражение в коннотациях, чем стереотипы напр. о французах или англичанах; ср. словообразовательное гнездо ЦЫГАН: *цыганить, выцыганить, цыганский, цыганщина* и т.п. [Grillborzer 2004] указывает на то, что глаголы представляют собой самую маленькую группу производных этнонимов. Только два из найденных в словаре [Даля 1912] четырёх глаголов

³ <<http://wortschatz.uni-leipzig.de>>.

были известны кругу опрашиваемых лиц, а также примеры их употребления были обнаружены в тубингенском корпусе: *цыганить* ‘обманывать’ и *выцыганить* ‘выпросить’. Производные глаголы *французить* и *англизировать*, которые употребляются очень редко, не содержат элементов стереотипизации; ср.:

французить: ‘делать что-то как французы, подражать французам’,
англизировать (лошадь): ‘подстригать лошадям гриву и хвост особым способом’.

Стереотипные убеждения относительно цыган и евреев имеют очень узкий и довольно однозначный диапазон и проявляют удивительную устойчивость и прочность, даже спустя столетия. Поэтому они больше представлены в коннотациях, чем стереотипные убеждения о других народностях.

Выводы

Сумируя все выше изложенное, можно сделать следующие выводы. Во-первых, корпусно-лингвистический метод выявляет богатый материал для анализа национальных стереотипов в коннотациях этнонимов. С помощью этого метода можно анализировать и актуальные изменения стереотипов. Во-вторых, коннотации не следует отождествлять со стереотипами; не все они связаны с явлением стереотипизации; коннотации отражают только часть релевантных стереотипов.

Библиография

- Apresjan Ju. D. (1995) *Konnotacija kak čast' pragmatiki slova. Leksikografičeskij aspekt. W: Izbrannye Trudy II: Leksičeskaja semantika. Integral'noe opisanie jazyka.* Moskva, 156–177.
- Bartmiński J. et alii (2002) *Stereotyp Rosjanina i jego profilowanie we współczesnej polszczyźnie.* Etnolingwistyka 14, 105–151.
- Bartmiński J., Panasiuk J. (2001) *Stereotyp językowy.* W: Bartmiński J. (red.) *Współczesny język polski.* Lublin, 371–397.
- Chlebda W. (2002) *Polak przed mentalną mapą świata.* Etnolingwistyka 14, 9–26.
- Dal' V. (1912) *Tolkovij slovar' živago velikoruskago jazyka.* S.-Peterburg/Moskva. Etnolingwistyka 14.
- Grillborzer Ch. (2004) *Sekundäre Bedeutungen von Nationalitätsbezeichnungen im Russischen. Inwiefern sich die nationalen Stereotypen in der Sprache widerspiegeln.* Ms. Regensburg.
- Iordanskaja L. N., Mel'čuk I. A. (1980) *Konnotacija v lingvističeskoj semantike.* Wiener Slavistischer Almanach 6, 191–210.
- Kobozeva I. M. (1995) *Nemec, angličanin, francuz i russkij: vyjavlenie stereotipov nacional'nych charakterov čerez analiz konnotacii etnonimov.* Vestnik Moskovskogo universiteta 3 Serija 9. Filologija, 102–116.
- Komenda B. (2003) *Sekundäre Bedeutungen von Nationalitäts- und Länderbezeichnungen im Deutschen und Polnischen.* Frankfurt/M.
- Krüger J. (2004) *Das Data-Mining-Tool im Projekt „Wortschatz Deutsch“ und Ethnostereotypen.* Regensburg Ms.
- Lippmann W. (1922) *Public opinion.* New York.
- Lochmann T. (2004) *Sprachliche Ethnostereotype in der russischen Presse. Kollokationsanalysen anhand des russischen Nationalkorpus.* Ms. Regensburg.

- Markefka M. (1999) *Ethnische Schimpfnamen - kollektive Symbole alltäglicher Diskiminierung*. 1. + 2. Teil. Muttersprache 2, 97-123 und 193-302.
- Muromova Ks. (2004) *Sprachliche Ethmostereotypen in der russischen Presse*. Ms. Regensburg.
- Pisarkowa K. (1976) *Konotacja semantyczna nazw narodowości*. Zeszyty Prasoznawcze 1, 5–26.
- Romić D. (2005) *Sekundäre Bedeutungen von Nationalitäts- und Länderbezeichnungen im Kroatischen*. Ms. Regensburg.
- Schaff A. (1980) *Stereotypen und das menschliche Handeln*. Wien.
- Winkler A. (1994) *Ethnische Schimpfwörter und übertragener Gebrauch von Ethnika (Ein erster Überblick mit Glossar)*. Muttersprache 4/94, S. 320–337.

SUMMARY

Economical as Germans. Ethnic stereotypes and their reflection in the connotations of ethnonyms in Russian and some other languages

The contribution deals with ethnonyms and their relationship to ethnic stereotypes with special focus on Russian and some other European languages. It addresses both methodological and theoretical questions. First, it advocates the use of large electronic corpora for the study of stereotypical usages of ethnonyms and demonstrates how a corpus of linguistic data can enhance the study of stereotypes encoded in linguistic structures. Second, it addresses the relationship between mental stereotypes in the sense of Adam Schaff and semantic associations (connotations) encoded in polysemy, derivatives and idiomatic expressions. It is argued that although many connotations indeed do reflect ethnic stereotypes, we can find other cases where the connection is only indirect or has faded away completely. The author comes to the conclusion that notwithstanding a considerable overlap connotations and stereotypes are not identical and, therefore, should be kept apart.